

лувека бытовавшей в русской деловой письменности и предназначавшейся не для продолжения изложения одного документа другим, а для добавления документально засвидетельствованных фактов и сведений, которых по каким-либо соображениям нельзя было включить в основной документ. Отсюда понятно, почему Аввакум рассматривал свою записку не как повествовательное продолжение челобитной, а как фактографическое дополнение к ней.¹⁷

Традиция приложений явно наталкивала авторов на «многоплановое» изображение человека или событий, но одновременно мешала этому тем, что приложение и основной документ не мыслились как единый повествовательный комплекс. Так получилось, например, задолго до Аввакума, в «Сказании известном» 1619 г. о поставлении русского патриарха Филарета Никитича.

К «Сказанию» — с соответствующим предупреждением — приложена благословенная грамота иерусалимского патриарха Феофана, рассказывающая частично о тех же фактах, что и «Сказание». Но если о возвращении Филарета из польского плена и о его избрании патриархом «Сказание» повествует в торжественном, официально-безличном тоне (Филарета «царь Михаил срет далече от царствующего града... течаху вси, на лицо сего зряше с радостию...»), Феофан собирает митрополитов, чтобы уговорить Филарета согласиться быть избранным в патриархи: «И сих ради святейший патриарх Иеросалима града совет составляет с преосвященными митрополиты...» и т. д.¹⁸), то о том же Феофан в своей грамоте вспоминает в торжественном, но более живом тоне очевидца и непосредственного участника событий, который шел в толпе встречавших и беседовал с Филаретом лицом к лицу («Ему же в сретение изыде благочестивый и святопомазанный царь, того сын, и вси людие... с толикою радостию, якоже слышах и зрех... Его же и очима моима видех, и видев и возрадовахся, к нему же и беседовах и пржебывших тому скорбий; также помалу разсмотрех мужа... начах молити оного к восприятию патриаршества...»)¹⁹.

Но совершенно ясно, что составители «Сказания» не стремились разносторонне, под разными «углами зрения» показать избрание русского патриарха. Соответствующие места в «Сказании» и грамоте никак не связаны. Грамота Феофана нужна была составителям не как продолжение или дополнение повествования «Сказания», а скорее лишь как торжественное, официальное заверение или подтверждение всего изложенного

¹⁷ В первой челобитной Аввакума нет обычного предупреждения о приложении. Это отступление от нормы вполне согласуется с состоянием традиции приложений в деловой письменности 1660-х годов. В челобитных и посланиях этого времени предупреждают о приложениях далеко не всегда; особенно часто не предупреждают в тех случаях, когда прилагаются «росписи вин» или «записки», писанные лицами, не имеющими официального положения, опальными, заключенными, ссыльными. Например, отсутствует предупреждение о «Росписи уликама на черного дьякона на Агафатгела грека», которая приложена заключенным в тюрьму дьяконом Моисеем к его челобитной царю 1666 г. по поводу пересмотра наказания (Гиббенет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 787—792). Нет предупреждения о приложении в челобитной Ивана Неронова 1667 г. вселенским патриархам, которая вместе с запиской о Никоне была послана Нероновым из заключения, из Спасокаменного монастыря (Материалы раскола, т. 1, стр. 233 и сл.). Нет предупреждения о приложенных «речах» Никона и в челобитной царю бывшего строителя Воскресенского монастыря Аарона, посланной в 1663 г. вместе с запиской из Боявленского монастыря, куда был заточен Аарон (Гиббенет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 640). Неудивительно, что и у Аввакума, только что вернувшегося из ссылки и не занимавшего никакого официального положения, тоже нет предупреждения о приложении записки к первой челобитной.

¹⁸ ДАИ, т. 2, СПб., 1846, № 76; стр. 199—200.

¹⁹ ДАИ, т. 2, стр. 204.